

Глава 1118: Пусть все увидят

Пока южные эксперты двигались на юг с отговоркой Великого Испытания, а Сюй Южун владела властью южной дипломатической миссии, пока бури собирались между столицей и Лояном, а буря начинала греметь на всех уровнях общества, Чэнь Чаншэн ни разу не высказывал свое мнение. Он тихо сидел в своей каменной комнате, познавая меч, до сегодня. Он вдруг разразился силой, заимствуя импульс, чтобы вынудить Шан Синчжоу согласиться провести с ним бой.

И правда можно было сказать, что он вложил все умственные силы в это.

Он, естественно, хотел выиграть этот бой, но еще важнее был сам бой.

Он хотел использовать этот бой, чтобы Шан Синчжоу оказался на краю скалы, в самой экстремальной ситуации.

Он хотел, чтобы Шан Синчжоу живо почувствовал опасность поражения, испытал странные взгляды, почувствовал нерешительное будущее, исходящее из того, что все вещи обращались в ничто.

Только так Шан Синчжоу сможет ясно увидеть, насколько маленьким он был под своей даосской синей робой, сможет увидеть сердце, которое никогда не видел ранее.

О чем же думало сердце Шан Синчжоу? Как он относился ко всему касательно Чэнь Чаншэна?

Слова Чэнь Чаншэна были его взглядом на Шан Синчжоу.

‘Вы не можете признать, что неправы, но вы давным-давно знали, что неправы. Поэтому в несколько последних лет никогда не пытались совершить это лично, только позволяя людям из клана Тяньхай и Великого Западного Континента приходить, чтобы убить меня. Вы просто никогда не хотели убить меня, даже если и сами не понимали этот факт’.

В этих словах была непоколебимая решительность.

С уровнем культивации Шан Синчжоу и его волей, твердой, как старая сосна, и даже со всеми ограничениями, которые Поп оставил перед смертью, даже со всеми помощниками Чэнь Чаншэна и невероятной предусмотрительностью, если он действительно хотел убить Чэнь Чаншэна, его усилия в несколько прошлых лет не были бы настолько бесплодными. Более того, попытку Божественного Генерала Белого Тигра даже можно было назвать шуткой.

Это было правдой, что Чэнь Чаншэн хотел раскрыть Шан Синчжоу его истинное сердце.

Шан Синчжоу ничего не говорил, глядя невероятно холодными глазами на Чэнь Чаншэна.

Казалось, как будто он не смотрел на настоящего человека, на действительно живое создание. Вместо этого, в его глазах были сорняки в цветочном горшке, кислый фрукт.

Было ли сказанное Чэнь Чаншэном правдой?

В те годы в старом храме Деревни Синин тем, кто кормил Чэнь Чаншэна кашей и рыбой, чтобы он вырос, был Юйжэнь, а тем, кто обучал Чэнь Чаншэна, все еще был Юйжэнь.

Шан Синчжоу никогда не был близок к Чэнь Чаншэну, и редко чему-то учил его.

Было ли это не потому, что у него не было чувств к Чэнь Чаншэну, а потому, что он боялся, что начнет что-то испытывать?

В несколько последних лет весь мир знал, что он недолго любил Чэнь Чаншэна, но они не знали причину.

Оказывается, что презрение было фальшью. Он только хотел сохранять дистанцию, чтобы сделать свое сердце тверже?

В конце концов, однако, Чэнь Чаншэн все еще был той тенью на его сердце Дао.

Как он мог вытереть эту тень, как он мог успокоить свое сердце?

Он не мог убить Чэнь Чаншэна, потому что случившееся уже случилось.

Возможно, он должен был сделать так, как и сказал Чэнь Чаншэн.

Признать, что он неправ?

Несколько взглядов изучало лицо Шан Синчжоу.

Шан Синчжоу посмотрел на Чэнь Чаншэна и улыбнулся.

В его улыбке была неприкрытая насмешка.

«Ты слишком многое думаешь».

Сказав это, он развернулся и вышел из Ортодоксальной Академии.

Его синее даосское одеяние было в крови. Оно выглядело, как черный лотос, медленно покачивающийся на ветру.

Чэнь Чаншэн молча смотрел, как его фигура растворяется вдаль.

Даже в конце никто не признал свое поражение, но все знали, кто победил.

Он победил своего учителя, самого сильного человека в мире.

Он не только выиграл этот матч, но и битву умов между учителем и учеником.

С какого угла на это не посмотреть, это был экстраординарный подвиг, слава королей.

Логически говоря, руины Павильона Кленового Леса, нет, вся Ортодоксальная Академия должна была быть наполнена радостным чувством.

Но ничего из этого не было, потому что Чэнь Чаншэн хранил молчание, крепко сжав губы так, что они даже побелели.

Ближе всех к нему была Сюй Южун.

Пока она наблюдала за его молчанием, радость в ее глазах постепенно сменилась жалостью.

«Я никогда не думала, что ты был так искусен в ораторстве».

Она улыбнулась, желая утешить его.

Чэнь Чаншэн сегодня сказал много слов Шан Синчжоу. Его слова в раздраженном состоянии были довольно острыми.

«Это все потому, что ты слишком мало говорил с ним, иначе ты бы знал, что он лучше всего в критике людей».

Брови Танга Тридцать Шесть взмыли вверх, пока он говорил. Он не подавал знаков, что подшучивал над Чэнь Чаншэном, так как все его лицо указывало на то, что он гордился быть в его компании.

Вскоре после этого он повернул голову и нетерпеливо сказал: «Я должен пригласить вас?»

Цель его слов не понимала, что он имел в виду.

Танг Тридцать Шесть сказал: «Бой уже окончен, а вы все еще суете свой нос в это? Вы должны поскорее уйти, и у меня определенно нет планов приглашать вас на обед».

Он был Управляющим Ортодоксальной Академии, так что у него, естественно, было право как приветствовать, так и изгонять гостей.

Проблема была в том, что он говорил с Ван Чжицэ.

Даже Император Тайцзун или Божественная Императрица Тяньхай никогда не говорили таким нетерпеливым тоном с Ван Чжицэ.

И никто никогда не заявлял, что Ван Чжицэ сует нос.

Покачивая головой, Ван Чжицэ развернулся, чтобы покинуть Ортодоксальную Академию.

«Кому вы показываете эту грациозную и элегантную позу? В конце концов, вы проиграли!»

Танг Тридцать Шесть плюнул на землю.

Ван По подошел к Чэнь Чаншэну и осмотрел его лицо. Подтвердив, что он был в порядке, он попрощался.

От начала до конца не было обмена словами, и определенно не было благодарности. Все проводилось в безразличии.

Будь это тогда в Городе Сюньян, в прошлом году в Городе Вэньшуй, или в этом году в столице, все было одинаково.

Чэнь Чаншэн повернулся к Сюй Южун и сказал: «Я победил».

Сюй Южун посмотрела на него восхваляющим взглядом: «Изумительно».

После паузы на мгновение Чэнь Чаншэн добавил: «Я не плакал».

Сюй Южун вытерла рукой пыль с его лица и сказала с оттенком сердечной боли в голосе: «Это тоже изумительно».

Чэнь Чаншэн посмотрел вдаль.

Стена академии там была в руинах.

Яркое желтое имперское одеяние выделялось в пасмурной погоде.

Там стоял Юйжэнь.

.....

.....

Над Аллеей Сотни Цветений нависла гробовая тишина.

Окончательный результат ошеломил толпу.

Никто не уходил. Одна причина была в том, что все еще были слишком шокированы, но другая причина была в том, что ворота Ортодоксальной Академии все еще были закрыты.

Император и Поп говорили внутри.

После окончания битвы никто не мог помешать этим боевым братьям встретиться.

Но уже прошел один час. О чем же они говорили?

Тяжелые ворота Ортодоксальной Академии медленно открылись.

Вышел Чэнь Чаншэн.

Кинжал был привязан к его поясу.

Его волосы были в путанице.

Его тело было в пыли и крови.

Его глаза были немного красными.

Он выглядел очень уставшим.

Даже немного удрученным.

Но никто не смел верить в это.

Сюй Южун шла по его левую сторону.

Танг Тридцать Шесть шел за ним.

Линхай Чживан серьезно кивнул: «Отдаем дань уважения Его Святейшеству Попу».

Священники Дворца Ли начали кланяться.

Первые звуки звучали редко, но чем больше было добавлено, тем более упорядоченными они становились.

Все больше и больше людей кланялось на земле.

Среди них была кавалерия Ортодоксии, а также черная кавалерия.

Министры имперского двора тоже поклонились.

Десять принцев молча переглянулись, но в итоге тоже решили медленно поклониться.

Чэнь Чаншэн вышел из аллеи.

Толпа постепенно расступилась и поклонилась.

Это было похоже на приливную волну.

Которая затопила столицу.

И весь континент.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/352301>